ИЗДАНИЕ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

СЕРИЯ МЕМУАРОВ – ВЫПУСК I.

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

(ВОСПОМИНАНИЯ 1881-1914)

1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОРБИС“ ПРАГА XII, ФОШОВА 62

ИЗДАНИЕ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА
СЕРИЯ МЕМУАРОВ — ВЫПУСК I.

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

(ВОСПОМИНАНИЯ 1881–1914)

1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОРБИС“ ПРАГА XII, ФОШОВА 62

для крестьян. Можно сказать, по всей земской России прокатилась сплошная волна требований удовлетворения этих двух первоочередных задач. То были, как бы сказать, заглавные пункты земской платформы данного момента. Но за платформой стояла и программа. Это была давняя земская программа, которую пришлось на время свернуть в период общественного затишья и которая теперь вновь развертывалась и выдвигалась на сцену в рядах земских деятелей, освеженных и пополненных новыми кадрами: на поприще земской деятельности выступала целая фаланга молодых деятелей, которые к исходу 80-х годов закончили университетское образование и вынесли из него твердые конституционно-демократические политические принципы. Они пошли работать в земство и для того, чтобы обслуживать текущие народные нужды и потому, что смотрели на земское самоуправление, как на самую надежную опору для возобновления борьбы за установление в России правового демократического строя. Эти молодые земцы встретились на поприще земской работы с представителями старшего поколения, связанными непосредственно с прогрессивными традициями 60-х и 70-х годов и оказалось, что те и другие могли понять друг друга с первого же слова, у них нашлись и общий язык и общие идеалы. Эта то дружная встреча старых и молодых земских конституционалистов и демократов и дала возможность поднять и протянуть далее нить прогрессивного земского движения, оборванную в безвременье 80-х годов. Предстоявшие этапы возобновлявшегося движения и для стариков и для молодежи очерчивались вполне ясно: во-первых объединение отдельных земств в общеземский союз и во-вторых, — выступление этого общеземского союза с программой государственного

переустройства на основе демократического народного представительства.

Один из типичнейших представителей того поколения передовых земских деятелей, которое выступило на арену в начале 90-х годов, кн. Д. И. Шаховской в своей автобиографии (в книге: »Русские Ведомости« 1863—1913 г. г. Сборник статей. Москва, 1913 г.) передает свой разговор с П. Б. Струве и К. К. Бауером в 1894 г. На вопрос своих собеседников, как представляет он себе выход из политического тупика, Шаховской ответил: »в виде самочинного собрания представителей земства, которое потребует конституции«. И Шаховской, вспоминая об этом, добавляет: »какой наивностью показалась тогда моим друзьям-марксистам такая мечта и как близко подошла потом к ней действительность!«.

В середине 90-х годов предпринимались пока лишь очень осторожные предварительные шаги к объединению земств. В мае 1896 г. в Москве состоялась коронация Николая II. На коронацию вызваны были в Москву председатели всех губернских земских управ. Тут то председатель Московской губ. земской управы Д. Н. Шипов предложил устраивать ежегодные съезды председателей управ для обсуждения общеземских вопросов. Эта мысль вызвала общее одобрение и было решено первый такой съезд устроить осенью в Нижнем-Новгороде во время всероссийской выставки. Никаких конспиративных замыслов не соединялось с этим предприятием. Напротив того, земцы сознательно ставили своей задачей добиться легального общеземского объединения, дабы такое объединение явилось с течением времени внушительной силой на поле открытой политической борьбы. Шипов сообщил Горемыкину о предположенном в Нижнем-Новгороде

съезде председателей земских управ и Горемыкин в устной беседе с Шиповым сказал, что ничего не имеет против такого съезда. Съезд действительно состоялся в августе 1896 г. и прошел вполне благополучно. Витте даже прислал на этот съезд представителя от министерства финансов в виду того, что в программу съезда был внесен разбор закона 1895 г. о порядке оценочных работ. Кроме того председатели управ обсуждали вопрос о сельско-хозяйственном кризисе, о народном продовольствии, о всеобщем начальном обучении, о взаимоотношениях земств губернских и уездных*) и др. А затем тут же было выработано Положение о таких съездах, с тем, чтобы они устраивались периодически, и намечено было бюро для предварительной подготовки вопросов, подлежащих обсуждению на съездах. Граф Гейден выразил пожелание, чтобы была установлена связь этих съездов с Вольным Экономическим обществом, где он председательствовал. Словом, под руководством опытного органи-

*) Этот вопрос был выдвинут Шиповым и возбудил оживленную и продолжительную полемику в земской среде. Шипов и его сторонники в этом вопросе стремились усилить руководящую роль губернского земства по отношению к уездным земствам данной губернии для внесения большей планомерности в земскую деятельность. Предполагалось между прочим, что при этом явится возможность более или менее уравнительно распределять средства уездных земств с целью поддержки более нуждающихся из них. Несомненно, что при этом наряду с практическими соображениями о нуждах земского хозяйства имелось в виду и общая задача подготовки общеземского объединения. Но в земской среде обнаружилось и такое течение, которое отстаивало полную независимость уездных земств. Резко выступил против Шипова Чичерин, который даже усматривал в планах усиления влияния губернского земства на работу уездных земств какие то социалистические тенденции. Полемика по этому вопросу разгорелась тогда довольно сильно.

затора Шипова привыкшие к общественной работе земские деятели немедленно начали закладывать фундамент для серьезной и прочной постройки общеземского объединения. Следующий съезд председателей управ был намечен в Петербурге в 1897 г.

Однако, министерство внутренних дел тотчас встревожилось, почуяв, что в земской среде забродили старые дрожжи; в скромном начинании строго легального характера правящая бюрократия, — и не без основания, — усмотрела зародыш такого течения, в конечном итоге которого вырисовывалось страшное для нее слово: *конституция.*

И Горемыкин поспешил воспретить намеченный в Петербурге съезд, в мотивировке своего запрета признав это явление »нарушающим строй нашего государственного порядка«.

Одного только никак не могла взять в толк правящая бюрократия: что этого течения уже невозможно было остановить подобными запретами и что нужно было признать его, как неизбежное следствие назревшего жизненного процесса и всячески облегчить безболезненное приспособление государственного строя к новым жизненным потребностям.

Съезды председателей земских управ прервались. Но прошло три-четыре года и процесс общеземского объединения вылился в гораздо более крупные формы, о которых речь будет дальше.

Однако, уже и в то четырехлетие, которое нас занимает сейчас, кристаллизация общественных сил начала принимать разнообразные формы. При земствах возникают корпоративные организации различных групп земских служащих — земских учителей, врачей, агрономов, статистиков, страховых агентов и

проч., а Самарский губернатор Кондоиди, открывая в 1899 г. Самарское губернское земское собрание, пустил крылатое словечко, прочно вошедшее затем в общеупотребительную терминологию: он назвал эту организующуюся при земстве массу наемных земских служащих *третьим элементом* (правительство, земство и — третий элемент: наемные земские служащие) и усматривал в нарождении этого третьего элемента большую политическую опасность для существующего государственного строя. В сущности этот столь пугавший самарского губернатора »третий элемент« представлял собою не что иное как одну из групп так называемой разночинной интеллигенции, занявшей видное место в общественной жизни со времени освободительных реформ 60-х годов. И эта разночинная интеллигенция, несшая на своих плечах разнообразные отрасли культурной работы в стране, также начала теперь выступать на общественной арене съорганизованными группами по признаку своих профессиональных задач.

С середины 90-х годов начинают играть все более заметную роль в формировании общественного мнения *профессиональные съезды*, на которых земский »третий элемент« встречался и выступал рука об руку с общественными работниками, действовавшими и вне рамок земской организации, а также и с прогрессивными земцами и городскими деятелями и таким образом эти профессиональные съезды получали характер органов выражения широкого общественного мнения. И этим съездам вскоре пришлось также внести свою значительную долю участия в последующую политическую борьбу. В середине 90-х годов эти съезды также находились еще у самого начала своего развития; они еще не выносили заостренных полити-

ческих резолюций, но уже начали присоединять к своим постановлениям по чисто профессиональным вопросам указания на неотложную необходимость тех ил идругих общегосударственных мероприятий. Уже 1896-й год был обилен такими съездами. В Москве один за другим прошли всероссийские съезды сельско-хозяйственный, съезд по техническому образованию, Пироговский съезд врачей, — и на всех этих съездах были приняты резолюции с требованием отмены телесного наказания и введения всеобщего начального обучения. Более жгучих политических вопросов в резолюциях пока еще не затрагивалось, но и в прениях по отдельным докладам и еще более в частных собеседованиях, устраивавшихся по случаю съездов, происходило горячее обсуждение политического положения и во всех этих речах чувствовалось одно: что период общественной подавленности миновал, уста раскрылись, общество заговорило и попытки остановить начавшийся общественный подъем могут привести лишь к тому, что шлюзы будут прорваны вздымающейся волной. Недаром, »Московские Ведомости« в 1896 г. писали: »что то очень уже много развелось у нас разных съездов«.

Впрочем, повторяю еще раз: в 90-х годах все это движение было еще в зародыше и Чехов, слава которого в эти годы уже гремела, мог заполнять свои изящно-печальные изображения русской действительности картинами уныния, безвольной тоски, праздной распущенности и лени русского интеллигента. Все это были глубоко-правдивые картины; но только они далеко не захватывали *всей* тогдашней действительности, что — повидимому — сознавал и признавал и сам Чехов. Ведь считая чеховское изображение русского общества той поры за исчерпыва-